

**В СЕРИИ
«ИНСТИТУТ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ
ИСТОРИИ»
ВЫШЛИ КНИГИ:**

Трёхглавый орёл
Ищущий битву
Колесничие фортуны
Закон Единорога
Крестовый поход восвояси
Все лорды Камелота
Чего стоит Париж?
Воронья стража
Сеятель бурь
Железный сокол Гардарики
Время наступает
Фехтмейстер
Лицо отмщения
Сын гибели
Внутренняя линия
Башни земли Ад
Заря цвета пепла
Семена огня
Корни огня
Крона огня

Свержин В.М.

БАШНИ ЗЕМЛИ АД

Москва
T8 RUGRAM
2019

УДК 82-312.9
ББК 83.3(2)
С24

Институт экспериментальной истории

Свержин В.

С24 Башни земли Ад / В. Свержин – М.: Т8 Издательские технологии/RUGRAM, 2019. – 542 с.

ISBN 978-5-521-74158-8

В средневековой Европе едва пробиваются первые ростки Возрождения, а у ворот стоит беспощадный враг. Объединившись, Европа могла бы дать отпор Железному Тамерлану и Молниеносному Баязиду. Но монархи и рыцари вдохновенно воюют друг с другом за титулы и замки, мосты и огороды...

На этот раз задача так сложна, что Институт Экспериментальной Истории посылает в сопредельную реальность лучших оперативников: благородного Камдила, хитроумного Лиса, неотразимого Дюнуара, мудрого Хасана.

И вот в разных концах мира начинают происходить удивительные события...

УДК 82-312.9
ББК 83.3(2)
BIC FLC
BISAC FIC009000

ISBN 978-5-521-74158-8

© Владимир Свержин, 2012
© Т8 RUGRAM, оформление, 2019

ПРОЛОГ

*«Нам жизнь такое сочинила,
Дала такие траектории,
Как будто наша кровь — чернила
Для написания истории».*

В. Свержин

Здание института Экспериментальной истории, любезно предоставленное правительству семейством герцогов Бедфордских, в прежние времена служило одной из многочисленных резиденций этого древнего рода, близкого к английскому королевскому дому.

Знаток архитектуры затруднился бы ответить, в каком стиле строилось роскошное поместье. Старая, еще нормандской поры, башня, воздвигнутая на сорокаярдовом насыпном холме — ламотте, недоверчиво и настороженно, как восемь сотен лет назад, поглядывала на округу недобрым прищуром бойниц, напрасно дожидаясь появления врага. Чуть в стороне возносились к небесам готические шпили чудом уцелевшей во времена Кромвеля церкви. Совсем рядом горделиво взирал на подъезжающих гостей величественный господский дом работы знаменитого архитектора Кристофера Рена.

Дальний предок нынешнего представителя ее величества в Институте, двадцать третьего герцога Бедфордского, тогдашний владелец столичного района Ковент-Гарден, был приставлен надзирать за восстановлением Лондона после Великого пожара 1666 года. В те бурные дни завязалось тесное знакомство вельможи с великим зодчим.

Недоброжелатели поговаривали, что герцогский особняк выстроен на деньги, отпущенные казной для восстановления города.

Но сотрудникам Института, деловито спешащим по коридорам этого внушительного комплекса, некогда вникать в подобные обстоятельства. Здесь творится история порою куда более драматическая, нежели та, о которой века назад сплетничали недруги рода Бедфордов.

Здесь творится история сопредельных миров.

Кропотливая, незаметная постороннему глазу и непонятная непосвященным работа кипит здесь повсюду: и в окруженной огромным парком Чесвикской вилле, и в чопорных викторианских мезонинах, и в безликих коттеджах институтского городка, выросших, точно шампиньоны, на асфальтированной грядке XX века.

Смешение веков и стилей само по себе довольно точно отражает суть работы Института.

Непроницаемый периметр, воплотивший самые умопомрачительные новинки охранных технологий века XXI, гармонично завершает эту своеобразную картину, служа ей чрезвычайно дорогостоящим обрамлением.

Голос Готлиба фон Гогенцоллерна в телефонной трубке звучал раздраженно:

— Ваша милость, я не знаю, чем в данный момент заняты Уолтер Камдейл и Сергей Лисиченко. У этих господ своеобразное понимание понятия «дисциплина». Если

они не отвечают на ваши звонки, то, можете поверить, на мои они не отвечают тем более. Когда увидите этих джентльменов, будьте любезны передать, что я крайне ими доволен.

— Всенепременно, — лаконично ответил Джордж Баренс, заканчивая разговор.

Ему, корифею отдела разработки, было хорошо известно, что педантичный аккуратист Гогенцоллерн не жалуется своих чересчур своенравных подчиненных из Лаборатории рыцарства.

Как всякий преуспевший в кабинетной науке, «корифей и основоположник» искренне полагал, что все эти командировки в сопредельные миры безнадежно портят людей, и без того не слишком подходящих к роли адептов высокого знания. Не будь Вальдар Камдил и Лис одними из лучших институтских оперативников, он бы давно всеми имеющимися ребрами поставил вопрос об изгнании несносных козлиц из благопристойного овечьего стада.

Джордж Баренс поднялся из-за стола и направился к двери кабинета. Он вовсе не собирался транслировать своим друзьям Уолтеру и Сергею рулады начальственного ворчания. Наезды корифеев на оперативников возникают с неизбежностью природных явлений и растворяются бесследно, как только доходит до реальной работы.

Секретарша, учуяв шорох открывающейся двери, моментально свернула открытый на компьютере пасьянс и устремила пристальный взгляд в присланную утром вероятностную раскладку событийных рядов подконтрольных сопределов. Словно только сейчас заметив шефа, она обернулась, убирая локон со лба и вопросительно улыбаясь.

— Как думаете, — обратился к ней руководитель отдела разработки, — где можно найти Уолтера Камдейла и Сергея Лисиченко?

— В фехтовальном зале, — с романтическим вздохом отвела секретарша.

— Вы, как всегда, прекрасно осведомлены, — не скрывая иронии, кивнул Баренс.

— Стараюсь, — в удаляющуюся спину начальника скромно промолвила девушка, возвращая на монитор «Косынку».

Фехтовальный зал, оставшийся практически без изменений с последней трети XVII века, был полон народа. Еще из коридора раздавался гул множества голосов и звон клинков. Среди многоголосия отчетливо слышались пояснения Лиса:

— А камзолы они сымают потому, шо ежели тулово продырявить рапирой, то на нем останется куртуазный шрам. Его при случае можно будет мамзелям демонстрировать, ну а повезет, и мадамам. А что проку с дырки в камзоле? Одни убытки!

Баренс вошел в зал. У стен, оживленно переговариваясь, толпились ценители фехтовального искусства, многие в колетах и с тренировочным оружием в руках. Посреди зала, самозабвенно звеня шпагами, перемещались два лучших институтских фехтовальщика, признанные мастера клинка — Мишель Дюнуар и Уолтер Камдейл.

— Вот это, — на ходу пояснял зрителям Дюнуар, — «обман Анджело». Вот, глядите. Атака, батман, еще батман. Разворот...

Он повернулся, уходя с линии атаки, и резко послал клинок вперед. Его оппонент скользнул в сторону, пропуская оружие мимо себя, и, в свою очередь, пояснил:

— Укол вслед за парадом у острия шпаги на человека неподготовленного производит фатальное впечатление. Часто несовместимое с жизнью. Но прием довольно опасен и для самого атакующего. Контролировать оружие противника на

развороте почти невозможно, и контратака может последовать незамедлительно. Вот так — мулинет и, вуаля! Туше!

Он отсалютовал противнику:

— Продолжим?

— Нет, — вмешался лорд Баренс. — Джентльмены, пойдемте в мой кабинет. Сергей, вас также прошу присоединиться к нам.

— А я тут при чем? Не шалил, не кричал, железками не размахивал, слова нехорошие на стенах не писал. Даже постель с утра застелил... кажется!

Баренс молча покачал головой. Унять этого неумного балагура не смог бы даже почитаемый всеми Доменико Анджело с его хитроумными фехтовальными приемами.

— Ну да, конечно, всегда так. На какой обочине миров на этот раз пикничок устраиваем?

— Всему свое время, — обнадежил шеф отдела разработки. — Следуйте за мной.

— Располагайтесь, — скомандовал лорд Баренс дружной компании. — Вот посмотрите. Пришло утром из ближнего сопредела.

— А я так надеялся, что это приказ о прибавке к жалованью, — сокрушенно вздохнул Лис. — Пусть же прах моих надежд развеют над сейфами бухгалтерии, и вот когда там вырастет много зелени...

— Сергей, — укорил его Камдейл, — не время и не место.

— Ну, ты скажешь! Даже песня есть:

*Прах надежд над бухгалтерией кружится,
С тихим шорохом нам под ноги ложится.*

А шо касательно тех агентурных наворотов, которые нам тут подсунули, то знаю я эти охотничьи рассказы. Стаци по-

написывают семь верст до луны, и все лесом, а нам потом — заморишься пыль глотать.

— Насчет пыли — в самую точку, — обнадежил лорд Баренс. — Вот только Хасан Галаади из отдела мягких влияний паникером до сих пор не числился.

— О, — глубокомысленно изрек Мишель Дюнуар, углубляясь в чтение, — уже интересно.

— Даже интереснее, чем вы думаете. Вводная такая. Вы, конечно, помните битву при Анкаре.

— Как же, помним, — подтвердил Вальдар.

— Ага, как щас помню! Погнали наши городских. Наши спереди, городские сзади.

— В ней Железный Хромец, Тамерлан, разгромил султана Османской империи, Баязида Молниеносного... — не обращая внимания на едкий комментарий оперативника, продолжил лорд Баренс. — В нашем мире эта победа фактически спасла Европу от нашествия османов.

Как мы с вами помним, всего за несколько лет до того под Никополисом османы в пух и прах разнесли объединенную армию крестоносцев. Тогда султан не сумел развить успех: большие потери, возня с осажденным Константинополем, угроза нашествия с востока — все это не позволило нанести завершающий удар по Европе. А после разгрома под Анкарой у него и вовсе такого шанса не осталось. Тамерлан возил плененного султана за собой в клетке, пока несчастный не умер от огорчения.

— И шо? Здесь Баязид вжился в образ ручной обезьянки? Недобитые янычары по ночам тайно носили ему бананы, похищенные из тамерлановского обоза, и гейши, ну, в смысле, одалиски, приходили плясать ему при свете луны...

— Читайте донесение, — оборвал поток его красноречия Баренс. — Как сообщает Хасан Галаади, работающий ныне дервишем в восточном секторе наблюдения, Баязид нашел